

Лу Цзяньлян вздохнул с наигранным сожалением — настолько театральным, что за этот короткий час у Чу Вэй выработался стойкий иммунитет к подобным представлениям.

Конечно, от инвестиций Лу Цзяньлян отказываться не собирался — его студия едва сводила концы с концами. Триста тысяч! Даже продав всю студию целиком, столько не выручишь. Не просто манна небесная — настоящий потоп благодати!

Но поторговаться стоило — нельзя же сразу соглашаться отдать сорок девять процентов за названную сумму.

Однако Чу Вэй наотрез отказывался снижать долю. Пусть он и казался простоватым, но дураком не был. За плечами имелся опыт инвестирования, консультации со специалистами — он прекрасно понимал реальную стоимость. По правде говоря, крошечная студия с десятком сотрудников явно не тянула на такие деньги.

Готовность вложить триста тысяч объяснялась просто: Чу Вэй помнил, как в будущем Лу Цзяньлян начал свой путь с двухсот тысяч. К тому же, в студии работали настоящие таланты, а у самого Чу Вэй имелись идеи, которые можно реализовать раньше срока — правда, это потребует дополнительных вложений.

На самом деле он мог запросить и больший процент — и Лу Цзяньлян, скорее всего, согласился бы, учитывая его бедственное положение.

Но Чу Вэй остановился на сорока девяти, зная, насколько важен для Лу Цзяньляна контроль над компанией. Не хотелось задевать чувствительные струны и рисковать тем, что талантливый разработчик просто бросит студию. В конце концов, Чу Вэйю нужны были только деньги — прошлая жизнь наглядно показала отсутствие управленческих способностей. Перерождение добавило опыта, но не интеллекта — чего не умел, тому не научился.

Лу Цзяньлян в итоге согласился на сорок девять процентов, но умудрился выторговать патент на программу Link в качестве бонуса.

Чу Вэй давно забыл о той студенческой разработке — в будущем подобную программу мог написать любой новичок. В его глазах она безнадежно устарела, так что он не возражал против такого довеска. Взамен потребовал временно не разглашать факт инвестиций и передать ему контроль над финансами студии.

Не хотелось, чтобы вложенные деньги исчезли вместе с недобросовестным получателем.

Поскольку Лу Цзяньлян владел всеми акциями, сделку оформили быстро. В те времена всё только зарождалось, контракты были простыми — Чу Вэй предъявил выписку со счёта, они набросали текст и подписали. Дальнейшее оформление документов поручили специалистам.

Когда пыль улеглась, Лу Цзяньлян, убирая контракт, с любопытством спросил:

— Кстати, сколько твой отец задолжал? Триста тысяч не хватает расплатиться?

— А? — Чу Вэй растерялся, не понимая, о чём речь. В это время его отец ещё не влез в долги, оставался крупным бизнесменом. Иначе как бы Чу Вэй за три месяца превратил карманные деньги в миллионы?

В эпоху, когда десять тысяч делали человека богачом, его ежемесячные карманные деньги составляли несколько тысяч. На момент перерождения на счету лежало больше двадцати тысяч.

Лу Цзяньлянь кивнул на что-то вверху, у стены.

Чу Вэй медленно поднял голову. Алая надпись ударила по глазам, словно кровь, приливающая к вискам.

"Заработаю денег! Верну отцовские долги!" — гласили крупные иероглифы. Наконец-то он вспомнил, что смутно беспокоило его всё это время.

Три месяца назад, решив начать новую жизнь, он повесил этот мотивирующий лозунг. После возвращения так устал, что поленился доставать лестницу и снять его.

Теперь что тут скажешь...

Чу Вэй повернулся с окаменевшим лицом, в глазах плескалось отчаяние:

— Верните контракт. Давайте больше никогда не встречаться, — мир велик, найдётся, куда податься.

Лу Цзяньлянь, сдерживая смех, без возражений протянул подписанный утром договор:

— Держи. Только верни гонорар — всё-таки это моя цена.

Чу Вэй: "... Он не этот контракт имел в виду! И хватит уже про продажу себя!

Заметив, как в глазах напротив разгорается жажда убийства, Лу Цзяньлян кашлянул. Напомнил себе, что собеседник теперь его "спонсор" — не говоря уже об инвестициях, держит в руках все финансы студии. Лучше не дразнить его на денежной почве.

Взглянув на часы — уже десять, в одиннадцать совещание — он сменил тему, произнеся с настолько жеманной интонацией, что хотелось придушить:

— Господин, если вы не заняты, не желаете посетить нашу особенную студию?

Чу Вэй глубоко вдохнул. Даже глиняная кукла имеет предел терпения! Да, вчера по пьяни он приставал к Лу Цзяньляну, потому после пробуждения старался держать недовольство при себе. Но зачем так издеваться?!

Какой смысл в этом бесконечном унижении?!

— Старший брат, — процедил Чу Вэй сквозь зубы. — Вы задумывались, кто по пьяни станет покупать мужчину?

Глядя на задумчивое лицо собеседника, он не стал тянуть с ответом:

— Я гей.

Теперь настала очередь Лу Цзяньляна застыть.

Хотя со времён основания республики однополые браки были легальны, они оставались редкостью. Законное признание не означало общественного принятия — большинство косо смотрело на такие союзы. Мало кто открыто говорил о своей ориентации. Лу Цзяньлян знал об этом, но никогда не задумывался всерьёз.

Вспомнив своё утреннее поведение, он кашлянул, мгновенно посерьёзнев. После секундного колебания произнёс:

— Прошу прощения.

Между натуралами часто не существует границ в общении. Лу Цзяньлян привык к этому и не задумывался, уместны ли такие шутки с геями. Но стоило представить его слова, обращённые к девушке — сразу стало ясно, насколько это неприемлемо.

Извинения удивили Чу Вэя — он с изумлением уставился на собеседника.

Обычно люди, осознав неправоту, начинают оправдываться вместо того, чтобы просто извиниться.

"Не так уж он плох," — мелькнуло в голове.

Впрочем, ничего удивительного — будь у Лу Цзяньляна только чёрствость и чёрная душонка, никто не стал бы с ним работать, и он не построил бы свою бизнес-империю.

Однако неожиданные извинения смутили Чу Вэя:

— Да ладно, ничего страшного. Это я вчера перебрал, — серьёзность собеседника и щекотливая тема вызывали дискомфорт. Чтобы сменить разговор, он начал собирать посуду. — Пойдёмте в студию, пора представиться коллективу.

Время перевалило за одиннадцать — совещание уже началось, большую часть утра съело составление договора. Они быстро собрались и вышли.

Студия находилась неподалёку от дома Чу Вэя — быстрее дойти пешком, чем ловить такси. Шли молча, особенно непривычно молчал вечно язвительный Лу Цзяньлян — до странного тихий.

Чу Вэй размышлял — надеялся, что у того нет предубеждений против геев. Но не успел додумать, как Лу Цзяньлян нарушил тишину странным тоном:

— Слушай, младший брат... может, прозвучит странно, но... у тебя ведь нет ко мне чувств?

Вспомнив события последнего часа, Чу Вэй почувствовал, как вздулась вена на лбу.

— Не сомневайтесь в моём вкусе, пожалуйста! — процедил он сквозь зубы.

Лу Цзяньлянь с облегчением выдохнул, но тут же нахмурился. Повернулся, недоверчиво указывая на своё лицо:

— Что, я настолько непривлекательный?!

Глядя на это лицо, Чу Вэй не мог сказать "да", но...

— У вас есть другие достоинства, кроме внешности? — криво улыбнулся он.

Лу Цзяньлянь глубоко задумался, после чего совершенно искренне заявил:

— По-моему, я весь состою из достоинств, без единого недостатка.

Чу Вэй: "..."

Как другие относятся к геям — неизвестно, но он точно страдает Лу-фобией.

<http://bllate.org/book/13399/1192664>